

Виталий Бернштейн

Возвращение

Виталий Бернштейн

Возвращение

«Автор»

1998

Бернштейн В.

Возвращение / В. Бернштейн — «Автор», 1998

© Бернштейн В., 1998

© Автор, 1998

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	9
Глава третья	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Виталий Бернштейн

Возвращение

Глава первая

Далеко внизу сквозь редкие разрывы в тучах холодно поблескивала поверхность океана. Гул двигателей был едва слышен внутри «Боинга», но все его огромное тело была мелкая дрожь. Край иллюминатора, к которому Алик Федоров прислонился щекой, тоже чуть вибрировал.

Еще когда «Боинг» выруливал на взлетную полосу в аэропорту Кеннеди, из туч, наползавших на Нью-Йорк, заморосил, наконец, дождичек. «Дождь в дорогу – добрая примета» – вспомнилось Алику. Он только смутно усмехнулся. Боль, поселившаяся в его душе четыре дня назад, не отпускала...

Для своих сорока трех Алик выглядел совсем неплохо. Не так, как у некоторых к этому возрасту, – ни живота, нависающего поверх брючного ремня, ни мешочков под глазами. На круглом лице, над тонкими улыбочивыми губами – аккуратно подстриженные черные усы. Густые, чуть выющиеся волосы зачесаны назад. Справа на лбу, на границе с волосами, – небольшой шрам, след давней мальчишеской драки.

И в студенческие годы, и позже друзья и подруги звали его просто Алик. К своему полному имени и отчеству – Александр Егорович – он так и не привык. Даже здесь, в Америке, знакомясь, он непринужденно представлялся: «Алик». Барбара, жена-американка, тоже величала его «Алык», произносить звук «л» мягко не научилась.

С Барбарой он познакомился десять лет назад в Москве, куда она приехала с группой студентов их колледжа для совершенствования в русском языке. Увидев в ГУМе милую девчонку, которая с явным английским акцентом пыталась что-то объяснить продавщице, Алик великодушно посодействовал общению представительниц двух миров. Он помог выбрать матрешку, проводил до метро, скромно полюбопытствовал насчет телефончика. Барбара оказалась на удивление доверчивой, влюбчивой. Многоопытный холостяк, Алик окружил ее деликатным мужским вниманием, дважды пригласил в театр. Когда мама уехала с ночевкой на их садово-огородный участок, пригласил Барбару домой. Выпили по маленькой сладкого винца, потанцевали под старую мамину пластинку с песнями Шульженко – песен этих Барбара, конечно, никогда и не слышала. И все последующее получилось очень мило, естественно. Их жаркая любовь продолжалась целых три недели. Потом Барбара вместе с сокурсниками улетела в свой Сан-Франциско.

Через несколько дней, столкнувшись с Яшкой Гуревичем в пивном баре, что в Столешниковом, Алик небрежно поведал о своей победе на международной арене. Яшка всегда отличался цепким, практическим складом ума, сразу ухватив перспективу, о которой Алик как-то не подумал.

– Старик, ведь это же верный шанс свалить за бугор!

Когда из далекого Сан-Франциско пришла открыточка от Барбары, Алик настроил ей нежный ответ на четырех страницах. Завязалась переписка. Через год Барбара, замороженная его письмами, прилетела в Москву. Времена становились полиберальнее – «ускорение», «гласность», «перестройка». Алик сумел без особой нервотрепки зарегистрировать брак с иностранной гражданкой, а потом получить выездную визу – для воссоединения семьи. Так он очутился в Америке.

Странно сказать, но с Барбарой, быстро располневшей после родов, они жили совсем неплохо. Характер у нее оказался легкий, покладистый. Да и дочка Машенька, конечно, связы-

вала. Угнетало Алика только то, что Барбара, успешно продвинувшись по службе в своей фармацевтической компании, зарабатывала больше него. А он по давней домостроевской традиции считал, что главным добытчиком в семье должен быть мужик, «хозяин». Правда, в новой стране всем поначалу непросто. Его диплом с идиотской специальностью «инженер-экономист» никого тут не впечатлял. Хорошо хоть, английский дался легко. Алик устроился в агентство, посредничающее в купле-продаже недвижимости, набрался опыта, приобрел за минувшие годы добрую репутацию среди клиентов. Уже мечтал открыть собственное агентство – в Америке лучше всего работать на себя, тогда и деньги можно делать хорошие. Да тут это и случилось. Четыре дня назад. И все рухнуло. Думать об этом не хотелось...

По узкому проходу между креслами стюардесса везла тележку с прохладительными напитками. На губах, густо покрытых помадой, застыла профессиональная улыбка. Соседнее с Аликом кресло было пустым, а в кресле у прохода развалился мужик в дорогом двубортном костюме – с засохшим пятном какого-то розового соуса на рукаве. Явно навеселе, он что-то невнятно бормотал под нос; удавалось распознать только отдельные крепкие словечки – на «великом и могучем» языке. Когда тележка приблизилась, мужик взял две банки пива. Одну протянул Алику.

– Дринк?

– Спасибо, не хочется что-то, – ответил по-русски Алик.

– Ладно, еще пригодится, – тот положил банку на пустое сиденье между ними, открыл свою и припал к ней. Опорожнив банку, провел ладонью по мокрым губам, вытер ладонь о брючину и протянул Алику для знакомства.

– Степан, – сказал он, излучая пьяное дружелюбие.

– Алик.

– Ты, приятель, что-то невесело сегодня смотришься. Ну, да мы это дело поправим. Видал? – он вытащил из внутреннего кармана пиджака плоскую бутылку «Абсолюта». – Сейчас мы это дело поправим...

Слегка пошатываясь, он подошел к стюардессе, медленно продвигавшейся вдоль прохода, взял у нее два пластмассовых стаканчика и вернулся на место. Ловко, не потеряв и капли «Абсолюта», наполнил стаканчики до половины. «Может, действительно, выпить, расслабиться немного?» – вяло подумал Алик... В опорожнившиеся стаканчики Степан тут же разлил пиво из второй банки. «А это уже `ерш' будет» – заключил Алик. И опять выпил.

– А вот закусить нечем, – вздохнул Степан. – Ничего, переморщимся. Через полчаса завтрак повезут, я их порядки изучил, полетал уже на разных международных линиях.

Он откинул назад спинку кресла, устроился поудобнее, повернул голову к Алику.

– Вот пробыл я по делам нашей конторы десять дней в ихней хваленной Америке – и уже домой тянет. Хорошая житуха на родине пошла, только ушами хлопать не надо. Свобода, блин... А ты, случаем, не из Москвы?

– Оттуда.

– Сюда тоже по делам приезжал? Или в гости?

– Теперь я в Штатах живу. Уже девять лет.

– В Москву-то навещался?.. Да ты что?! Ты ее и не узнаешь теперь. Наш мэр, который в кепочке, такое в центре понастроил. А девочки какие по Москве сейчас порхают! Девять лет назад ты и представить не мог... Может, еще по одной? Земляки, как ни говори.

– Нет, нет, спасибо, – торопливо отказался Алик. – Мне хватит. Я ведь из Сан-Франциско лечу, в Нью-Йорке пересадку делал. Считаю, ночь не спал. Отдохнуть надо малость.

Он откинул назад спинку кресла, закрыл глаза. Спать ему не хотелось, но надо было как-то отвязаться от говорливого попутчика. Чуть приоткрыв веки, Алик увидел, как тот опять плеснул в стаканчик почти доверху «Абсолюта», выпил залпом. И сразу заснул. Был он, пожалуй, того же возраста, что и Алик. Разве что лицо выглядело потрепанным – но если так при-

кладываться, то и станет потрепанным. Такие же черные усы, как у Алика. И даже шрам на лбу есть, только не справа, а слева. Наверное, работает в крупной компании – летает по свету...

Алик повернул голову к иллюминатору. Внизу по-прежнему громоздились тучи, а над головой, в чистейшей голубизне висело не по-земному яркое солнце. Вот так же величественно и равнодушно будет оно светить и через год. Алик его уже не увидит... При таком диагнозе вряд ли год протянешь.

Курил он с мальчишеских лет, почти все ребята с их двора начинали это баловство классе в седьмом-восьмом, хотели выглядеть повзрослее. А ведь был у Алика пример перед глазами – отец, заядлый курильщик, умер от рака легкого. Но и после его смерти Алик курева не бросил. По молодой глупой самонадеянности казалось, что любые беды, существующие в мире, могут стрястись с кем угодно, только не с ним. Как все курильщики со стажем, Алик обычно долго откашливался по утрам, сплевывал в умывальник накопившуюся в груди за ночь зеленую тягучую слизь. Когда пару недель назад среди этой зелени он увидел розоватые прожилки, поначалу не придавал им значения. Но после того, как заметил их второй раз, записался на прием к своему врачу.

Доктор Кригел сразу пояснил, что у курильщиков наиболее частой причиной появления крови в мокроте бывает просто хронический бронхит. Потом позвал лаборантку, распорядился, чтобы сделали рентген.

Прикрепив проявленную пленку к светящемуся экрану, доктор Кригел долго разглядывал ее, многозначительно хмыкал. Ткнув пальцем в правое легкое, с того края, что ближе к середине грудной клетки, повернул голову к Алику. Почему-то глядя в сторону, сухо сказал, что вот, мол, эта тень, по всей вероятности, опухоль. Доктор еще продолжал что-то говорить, губы шевелились. Но Алик вдруг перестал его слышать. «Рак? У меня?.. За что?!» Через несколько секунд слух вернулся. Дрогнувшим голосом Алик выразил готовность вырезать опухоль незамедлительно.

– Об операции говорить преждевременно, – возразил доктор Кригел. – Чтобы поставить окончательный диагноз, давайте сначала пройдем все необходимые обследования.

Не включая мотора, Алик долго сидел в своей машине возле врачебного офиса. Вот так новость... У Леонида Андреева в «Рассказе о семи повешенных» верно подмечено: жизнь стала бы невыносимой, если бы человек точно знал, когда умрет. Алик теперь знает. Отец после того, как ему поставили этот страшный диагноз, протянул одиннадцать месяцев. Их районный онколог сказал тогда маме, что операцию делать уже поздно и что лечить будут лекарствами и облучением. Однако такое лечение и само было небезвредно. Отца часто рвало, совсем пропал аппетит, выпали волосы, исхудал – кожа да кости. Не лечение, а мученье. Может, и продлили жизнь на несколько месяцев, но разве это была жизнь?

Тогда, сидя в машине, Алик и решил вдруг слетать в Москву. Напоследок, пока еще не скрутила болезнь. За девять лет так и не удосужился побывать на родине. Когда три года назад внезапно, от инсульта, умерла мама, хотел лететь на похороны да не успел. Телеграмма от соседки, тети Даши, пришла на второй день, в пятницу под вечер. Начинать хлопоты насчет визы было в понедельник уже ни к чему – маму похоронили...

Прямо после визита к доктору Кригелу Алик поехал в знакомое туристическое агентство. Там они с Барбарой обычно заказывали билеты, собираясь в отпуск кудани-будь в теплые края – на Гавайи или в Мексику. В агентстве Алику пообещали оформить визу за три дня, и он заказал билет в Москву на субботу. Чем раньше улетит, тем лучше. О своем диагнозе он решил пока дома не говорить. Зачем наваливать этот страшный груз еще на чьи-то плечи. Вернется – там будет видно.

Придя вечером домой, он сказал Барбаре, что вот, мол, запала вдруг шальная мысль, надумал недели на две слетать на родину, столько лет там не был. Говорил это с улыбкой. Барбара помолчала немного, потом ответила, что надумал правильно – давно пора навестить роди-

тельские могилы. Она, конечно, почувствовала – у Алика что-то стряслось, но допытываться не стала. В этом отличие американской жены от русской. В душу мужику американская жена не лезет. Правда, и в свою не всегда пустит. А уж русская, если любит, – вся твоя, раскрыта без остаточка.

В пятницу, накануне отлета, он побывал в больнице. В рентгеновском отделении Алика уложили на узенький столик, который начал медленно просовывать его тело внутрь какого-то странного устройства, наподобие большого бублика. «Бублик» чуть слышно гудел, делая послойные снимки его грудной клетки. Потом была бронхоскопия. Под наркозом из его правого легкого отсосали слизь с содержащимися в ней клетками, отщипнули подозрительный узелок, выступавший в просвет бронха. Как пояснил врач, собранный материал будет изучен под микроскопом. Если обнаружатся раковые клетки, это и станет окончательным подтверждением диагноза. В зависимости от формы раковых клеток будет рекомендован тот или иной метод лечения.

Алик покорно прошел назначенные обследования. Хотя для него и так все было ясно. Прислушиваясь теперь к своим ощущениям, он заметил какое-то тупое давление как раз в той точке, справа от грудины, куда ткнул палец доктора Кригела на рентгеновском снимке...

Туго набитый человеческими жизнями, «Боинг» привычно тащил свой груз через Атлантический океан. Выглянув в иллюминатор, Алик заметил, что тучи внизу поредел. На водной поверхности, далеко внизу, болталась крохотная щепочка, за ней можно было различить белеватый хвост пены. Щепочка шла тем же курсом – с запада на восток. Какая все-таки неимоверная высота. А что, если самолет сейчас падать начнет? Ведь кому-то и не повезти должно – крутится в Зазеркалье рулетка, выбрасывает счастливые и несчастливые номера... И вдруг падающий самолет войдет в воду по касательной – не расколется, скользнет в глубину со всем содержимым? Еще какое-то время люди будут жить в его утробе, задыхаясь и сходя с ума. Нет, уж коли это, действительно, суждено сегодня, пусть лучше случится над земной твердью. Удар – и конец, легкая смерть. Для Алика, с его диагнозом, воистину подарок небес.

Он с детства инстинктивно боялся высоты. Соседские мальчишки лихо бежали по крыше их четырехэтажного дома, на спор спускались на одних руках, не опираясь ногами о перекладины, по пожарной лестнице с крыши во двор. Алик от них ни в чем не отставал – самолюбие не позволяло. А страх высоты продолжал жить где-то внутри. Уже повзрослев, сидя как-то вечером на скамеечке с Катюхой и разглядывая звездное небо, он признался ей в этом страхе. Катюха тогда увлекалась эзотерической литературой.

– Это значит, что в одной из прежних жизней ты падал с высоты, – уверенно заключила она. – Помнишь, спартанцы сбрасывали в пропасть младенцев, родившихся хилыми или больными. Может, ты был одним из них?

Алик лишь засмеялся в ответ. А теперь отнесся бы к Катюхиным фантазиям посерьезнее. Кто знает, есть ли что-либо за гранью этой земной жизни или нет?..

По проходу опять двигалась тележка, развозили завтрак. Скрючившись в кресле, сладко спал Степан. Алику есть не хотелось; он тоже закрыл глаза, поворочался немного, пытаясь устроиться поудобнее. Чуть вибрировал под щекой край иллюминатора... Милая Катюха. Где она сейчас?

Глава вторая

После выпитого Степан так и проспал девять часов полета. Когда «Боинг» начал снижение, на светящемся табло поверх кресел зажглась команда: «Застегнуть ремни». Подошедшая стюардесса – все с той же, будто приклеенной, улыбкой – попыталась разбудить Степана. Но он только мычал в ответ. Придя на помощь, Алик крепко тряхнул попутчика за плечо. Тот, наконец, открыл глаза. Они смотрели раздраженно, от прежнего пьяного добродушия не осталось и следа.

– Пристегнись, Степа. На посадку идем.

Дрожащей рукой тот нащупал ремень, защелкнул его и опять закрыл глаза.

В иллюминатор проступала все более крупным планом подмосковная земля: деревеньки, поля, извилистые речушки, проселочные дороги, леса. У Алика запершило в горле. Мальчишкой с родителями он ездил в эти леса по грибы. Отправлялись затемно, даже завтрак откладывали на потом. После долгой тряски в душной электричке выходили на покрытую утренней росой платформу, углублялись по узенькой тропке в лес. Где-нибудь на полянке, уже прогретой солнышком, усаживались втроем, завтракали перед началом долгого, на полдня, грибного промысла. Иногда, перекусив, отец тянул маму за руку:

– Пойдем, Маша, сперва разведем, где тут грибная семейка затаилась. Потом все вместе собирать будем. – Отец грозил сыну-несмышленишу пальцем с желтым от курева ногтем. – А ты сиди и стереги лукошки! Мы живо обернемся.

Отец был строгий, не то что мама. Они возвращались минут через пятнадцать. Раскрасневшаяся мама смущенно отводила глаза, целовала Алика в щеку. Только став взрослым, Алик догадался, какой разведкой они занимались. Что ж, понять можно, были молодые, любили друг друга. И то сказать – отцу в ту пору было лет на десять меньше, чем Алику сейчас... Заядлые грибники, родители забывали об усталости. Алику, напротив, поиск грибов быстро надоедал. Приходилось перебираться через поваленные, полусгнившие деревья, к лицу липла лесная паутина. Через час-другой он капризно заявлял, что у него устали ножки.

– Ну, ты и лентяй, – притворно сердитым голосом говорил отец. Потом одним движением сильных рук подымал сына над головой и усаживал себе на плечи. Для большей устойчивости Алик клал ладошки на его загорелую, потную шею. Верхом на отце собирать грибы становилось интереснее. Алик вглядывался в мох под деревьями. Увидев среди зелени коричневую шляпку, тыкал мокрым от отцовского пота пальцем в ее сторону, восторженно кричал:

– Вон, вон белый! Ничего без меня не видишь, разиня!

Отец послушно поворачивался, легко приседал перед грибом, аккуратно подрезал его ножку у основания...

«Боинг» летел уже совсем низко, выпустив колеса. Мелькнула в иллюминаторе проволочная ограда, травяной лужок за ней, а потом серым бетоном заструилась внизу посадочная полоса. «Боинг» мягко коснулся ее и побежал, гася скорость.

На первом этаже международного аэропорта «Шереметьево-2», в полутемном, без окон зале, Алик прошел сперва паспортный контроль. За стеклянной перегородкой полногрудая дама в кителе с погонами долго, глубокомысленно разглядывала визу и американский паспорт Алика. Тяжело вздохнув, шлепнула печать.

После паспортного контроля пассажирам нью-йоркского рейса надлежало получить свой багаж. Они терпеливо жались возле пустой ленты транспортера, ожидая, когда на ней появятся их чемоданы. А у Алика, кроме сумки в руках, никакого багажа не было. Он помахал на прощанье Степану, но тот, уставясь тяжелым, похмельным взглядом на ленту транспортера, его не видел. У выхода из багажного зала таможенник пропустил сумку Алика через рентгеновскую установку. Потом поставил сумку на стол перед собой, расстегнул ее, зачем-то пощупал аккумуля

ратно сложенную Барбарой рубашку, что лежала сверху. Черкнув закорючку, вернул таможенную декларацию и вяло махнул рукой – проходите...

Обленились, однако, ребята за минувшие девять лет. Алику вспомнилось, какой шмон устроили таможенники, когда он улета, – все вещи перетряхнули. А иконку, которую мама сунула ему в чемодан, так и не пропустили. Мама в молодости сумела выбраться из голодной деревни в Москву на заработки и эту иконку привезла с собой – простенькая такая иконка. Нет, сказали таможенники – для вывоза за границу иконки требуется разрешение Министерства культуры. А вдруг она имеет художественную ценность? Вернул тогда Алик иконку маме. Та его на прощанье перекрестила...

В зале для встречающих было многолюдно. Ответив на чей-то нетерпеливый вопрос, что за рейс прибыл, Алик выбрался из толпы. Поставив у ног сумку, выпростал из-под рукава часы. Они показывали время в Сан-Франциско – пять сорок пять утра; Барбара еще третий сон видит. Между Москвой и Сан-Франциско одиннадцать часовых поясов. Алик перевел часы на московское время – четыре сорок пять дня.

– Ну что, хозяин, поехали? – массивный шоферюга в черной кожаной куртке стоял перед Аликом, щерил, изображая улыбку, крупные желтые зубы; волосатые пальцы раскачивали цепочку с ключами от машины. – Да ты не сомневайся, много не возьму. Десять баксов дашь? Ведь это же по нынешним временам не деньги. Просто в центр порожняком ехать не хочется, люблю поболтать с попугайчиком.

«Действительно, недорого – в Сан-Франциско за поездку из аэропорта до дома слупили бы не меньше тридцатки» – подумал Алик.

– Мне в Измайлово надо, – сказал он.

– Нету проблем. Это, можно сказать, по пути мне.

В углу зала Алик увидел окошечко, а над ним надпись: «Обмен валюты».

– Подожди только, я сейчас доллары обменяю.

– Дело, конечно, хозяйское. Но я бы не советовал – в центре найдешь пункты обмена, где курс получше. А со мной тебе рублями расплачиваться не надо. Я же сразу сказал – десять баксов... Поехали, нечего время терять.

Прихватив мощной рукой сумку Алика, он вывел его наружу. Под широким навесом, вдоль тротуара жались друг к другу разномастные машины. Открывая заднюю дверцу красных «жигулей», шоферюга сказал:

– Садись сзади, хозяин, там тебе с сумкой удобнее будет.

В толчее подъезжающих и отъезжающих машин «жигули» осторожно выбрались из-под навеса. В глаза Алику ударил солнечный свет, пронизывающий коричневатую дымку над аэропортом. Трава по краям дороги была еще прошлогодней, пожухлой; лишь кое-где проступали изумрудные пятнышки молодой травки. Начало мая. Видать, весна в этом году в Москве поздняя.

– Ну, как погода в Нью-Йорке?

– Дождик, – отозвался Алик.

– А у нас, наконец, тепло пришло. Душа не наладуется.

Дорога от аэропорта поднялась на эстакаду. Сразу за эстакадой «жигули» свернули налево и выскочили на широкое многорядное шоссе. «Ленинградское шоссе» – вспомнил Алик.

– Вот, блин, опять стоит, – выругался шоферюга. – Спасенья нету от этих гаишников.

Впереди, у края шоссе, застыла фигура в милицмейской форме; в руке – протянутая горизонтально милицмейская палочка. Скрипнув тормозами, «жигули» остановились на обочине.

Не говоря водителю ни слова, пузатый, невысокий гаишник прошелся вдоль машины; зачем-то постучал палочкой по колесам; сквозь боковое стекло осмотрел все внутри. Оглянув-

шись, резко распахнул заднюю дверцу, плюхнулся на сиденье рядом с Аликом, молча потянул из его рук сумку.

– Ты чего, ты чего? – удивленно забормотал Алик.

– Замри, падла! – сидевший впереди шофера повернулся и ткнул могучим кулаком в лицо Алика. Удар пришелся по нижней челюсти, во рту сразу появился солоноватый привкус крови. Нашарив левой рукой дверную ручку, Алик резко дернул ее. Но дверь не открылась. «Заблокировали, все предусмотрели» – пронеслось в голове.

– Да что же ты, падла, делаешь? – заорал шофера, заметив попытку Алика открыть дверцу. Перегнувшись с переднего сиденья, он сдвинул волосатыми пальцами шею Алика. Пальцы были словно клещи. Алик захрипел.

– Ты там поосторожней, не придуши совсем, ему еще чуток пожить надо, – не подымая головы от сумки, недовольно распорядился «гаишник». Пальцы на шее немного расслабились. Скосив глаза, Алик наблюдал, как «гаишник» перевернул содержимое сумки – будто искал чего-то. Потом принялся за карманы Алика.

Мимо, по Ленинградскому шоссе, с ревом проносились тяжелые автофургоны, катили автобусы, легковушки. Никому не было дела до красных «жигулей», остановившихся на обочине. «Гаишник» засунул руку с массивным золотым перстнем на указательном пальце во внутренний карман куртки Алика, куда тот положил после таможенного досмотра свои документы. Вытащив паспорт, «гаишник» раскрыл его, прочел по складам латинские буквы: «А-лек-сан-дер Фе-до-ров». Недоуменно бросил взгляд на фотографию в паспорте, потом – на Алика.

– Ты кого же мне привез, отморозок? – глухо спросил он шофера.

– Кого ты сказал, того и привез. С нью-йоркского рейса. И вот усики, как на той фотографии, что ты мне показывал. А еще и отметина на лбу.

– Так отметина должна быть слева, а у этого – справа! – «Гаишник» многоэтажно выругался. – Давай быстро в аэропорт – авось, того еще застанем!

– А с этим что делать?.. Пришить – и дело с концом.

– Тебе, отморозку, только бы пришить. Время потеряем!.. Извиняюсь, мистер Александер, за беспокойство... А ну, вываливай, пока я добрый!

«Гаишник» открыл дверцу со своей стороны, вытащил Алика наружу, кинул на обочину его сумку и документы.

– Забудь все поскорее – ради собственного здоровья! – крикнул он, захлопывая за собой дверцу. Нарушая правила движения, красные «жигули» задним ходом взобрались на эстакаду – благо, она была пуста – и, развернувшись, понеслись в сторону аэропорта.

Алик подобрал с земли документы. Сплюнул розовую слюну в пожухлую траву под ногами. Достав из сумки сигареты, закурил, постоял немного, чтобы успокоиться.

«Ну, здравствуй, первопрестольная. Весело ты жить стала... Может, в милицию заявить? Да пошли они все подальше!»

Надо было как-то добираться до города. Алик поднял руку, надеясь остановить такси или частника. У обочины затормозила машина, высунулось хмурое лицо водителя.

– Куда?

– В Измайлово.

Водитель отрицательно мотнул головой. Потом несколько машин проехали мимо, не останавливаясь. Наконец, еще одна остановилась.

– Мне бы в Измайлово, – неуверенно сказал Алик. – Только рублей у меня нету, есть доллары.

– Сорок баксов, – ответил молодой парень за рулем.

– А мне вот тут недавно один предлагал отвезти за десятку, – попробовал поторговаться Алик.

– Это он пошутил, дядя. Таких цен по Москве сейчас нету.

Алик согласно кивнул, с сумкой в руке залез в машину. Действительно, тот пошутил, еще как пошутил... Во рту оставался солоноватый привкус крови. Но зубы не шатались. И на том спасибо.

Глава третья

Дом был «сталинской» постройки. Это означало, что потолки в доме высокие – в отличие от более поздних «хрущоб». Четыре этажа, шесть подъездов. Между третьим и четвертым подъездами – та самая пожарная лестница, по которой на спор мальчишки спускались на одних руках с крыши.

С сумкой, перекинутой через плечо, Алик стоял возле пятого подъезда, вглядываясь в окна на третьем этаже. Там была их квартира. А вокруг простирался двор, где детишками играли в прятки, гоняли мячик, дрались и мирились; каждый день в детстве был наполнен радостью открытий и длился так долго... Став постарше, Алик допоздна засиживался тут летними вечерами. Рядом, на скамеечке – мальчишки и девчонки с их двора. Яшка Гуревич играет на гитаре. Окна квартир приоткрыты – поэтому играет негромко, чтобы не побеспокоить какого-нибудь раздражительного соседа. Репертуар обширный: от Вергинского до Окуджавы и Высоцкого. Тенорок у Яшки слабенький, но музыкальный слух имеется; не зря в детстве мамаша водила его за ручку в музыкальную школу... Поступив в юридический институт, Яшка вскоре переехал в район Савеловского вокзала – родители поменяли квартиру. Но Алик и Яшка не теряли друг друга из виду, перезванивались, иногда пересекались в каких-нибудь общих компаниях. Надо будет разыскать его непременно.

Вот она дверь подъезда, откуда в детские годы Алик выскакивал с лыжами на плече. А во дворе его уже ждали ребята, чтобы идти кататься в Измайловский лесопарк... На первом этаже, налево, – обитая коричневым дерматином дверь. Тут жили Ходоровские, они еще раньше Алика свалили за бугор, в Израиль. У Ходоровских был велосипед; иногда, если Алик вел себя хорошо, тетя Роза, добрая душа, давала ему велосипед покататься по двору. А потом с велосипедом случилась такая история. Алик был летом в пионерском лагере – где-то неподалеку, за Кольцевой автодорогой. Отец надумал съездить, проведать сына и попросил у Ходоровского этот самый велосипед. И вот в пути, когда дорога шла под уклон, переднее колесо вместе с проржавевшей вилкой отвалилось. Отец ткнулся головой в асфальт – потом неделю ходил с шишкой на лбу. Притащив на себе разломанный велосипед обратно, отец виновато сказал отворившему дверь Ходоровскому:

– Извини, Ароныч. Видишь: развалился он в дороге... Ты не сомневайся, я тебе заплачу за поломку, вот будет на заводе получка шестнадцатого.

Ходоровский молча осмотрел изъеденное ржавчиной место разлома, потом ответил:

– Ему давно было пора на свалку... Это я тебе должен заплатить – ты свой лоб подставил, а мой сберег.

Вечером отец, тронутый справедливостью Ходоровского, спустился к нему на первый этаж с бутылочкой в руке. Посидели, тетя Роза выставила на стол свою знаменитую фаршированную рыбу. Хорошие были люди.

На втором этаже, справа – квартира Полуновых. Левка на год моложе Алика, но они дружили. Правда, Алик был в детстве забияка, а Левка – тихоня. Отец Левки занимал какой-то небольшой партийный пост районного масштаба. Иногда его даже привозила с работы служебная машина. Но Полунов старший не важничал – тоже всегда выглядел тихим, чуть ли не испуганным. Карьеры не сделал, умер в годы «застоя»; перед смертью позвал Левку и наказал никогда не вступать в партию. Много позднее Левка поделился этим по секрету с Аликом. «Я был молодой, глупый, верил в идеалы, – говорил отец, задыхаясь от эмфиземы. – Вступил в партию и постепенно прозрел. А уже не выйдешь. Вся эта бандитская партия по макушку в крови человеческой. Сам я зла не делал, да все равно злу прислуживал». Левка наказ отца выполнил, не лез в этот гадюшник.

А на четвертом этаже, прямо над Аликом, жил Ванька Белов. Телефонов у них в доме долго не было; если требовалось срочно переговорить, Ванька стучал три раза по трубе водяного отопления: два быстрых удара и после паузы – третий. Услышав этот сигнал, Алик вставал на подоконник, открывал форточку, и они с Ванькой перекликались. Тот был на год старше, но где-то классе в пятом его оставили на второй год. После этого Алик с Ванькой учились в одном классе, сидели за одной партой. Обменивались интересными книжками, собирали марки. После седьмого класса Ванька ушел в техникум, но не закончил; как говорили взрослые, «связался с дурной компанией». Чем-то приторговывал, что-то подворовывал. Торопясь по утрам в институт, Алик иногда сталкивался на лестнице с Ванькой, возвращавшимся домой после ночного загула, – лицо помятое, разит водярой. Потом Ванька съехал из родительской квартиры. Уже перед отъездом в Америку дошли до Алика слухи, что Ванька мотает срок – вроде бы, за грабеж магазина... А ведь когда-то плечом к плечу засиживались после школы у Ваньки на диване, читали вместе про детей капитана Гранта... Надо бы зайти к его родителям, узнать, что и как. Может, образумился. И к Левке тоже надо навеститься. Но это не сегодня...

Алик стоял на третьем этаже перед дверью своей квартиры. Через эту дверь он выносил гроб с телом отца – помогали пришедшие на похороны заводские сослуживцы отца, Яшка, Левка. На узкой лестничной площадке, чтобы развернуть гроб ногами в сторону ступенек, головной конец пришлось приподнять. Уже в автобусе, по пути на кладбище, Алик подтянул сползшее тело отца, невесомое после долгой болезни, уложил голову поудобнее на подушечку.

А маму выносили без него... Она была маленькая, ей длинный гроб не требовался, развернуть ее гроб на лестничной клетке, наверное, было легче. Хоронила маму соседка по квартире, тетя Даша, да еще из деревни приехали дальние родственники... Алик так и не успел. Через пару недель его знакомый полетел из Сан-Франциско в Москву и захватил деньги для тети Даши, чтобы возместить расходы на похороны. Потом Алик получил от нее письмецо – она писала, что похоронили маму вместе с отцом, в той же оградке. Еще тетя Даша сообщала, что скромную мебель из их комнаты забрали деревенские родственники, а на освободившуюся жилплощадь подселили очередника – мать с ребеночком. Строчки в письме неуклюже наполнили одна на другую, но американский адрес на конверте был выведен четко, другим почерком, – тетя Даша попросила кого-то.

За день до вылета Алик позвонил ей из Сан-Франциско. Она сразу узнала его голос, хотя до этого столько лет не слышала. Обрадованно сказала, что, конечно же, он может остановиться у нее... Их квартира состояла из трех комнат. Когда распределялось жилье, тетя Даша с мужем и двумя дочками получила две комнаты, а семье Алика дали на троих одну, но зато большую, квадратную. Дочки тети Даши были старше Алика; когда тот еще ходил в начальную школу, дочери уже бегали на танцы. Они быстро выскочили замуж и покинули родительское гнездо. Муж тети Даши, который работал на том же заводе, что и отец Алика, умер года через два после отца. Вот тетя Даша и доживала век одна, как она любила выражаться, «в двухкомнатных хоромах». Долгие годы они с мамой мирно сосуществовали на общей кухне. Обе были чистюлями – все на кухне блестело. Праздники обычно встречали вместе, у мамы фирменным блюдом был студень, у тети Даши – пельмени. Когда Алик уезжал, ему было как-то легче от мысли, что мама не одна, что вместе с ней тетя Даша.

Алик нажал на кнопку звонка, и дверь почти сразу отворилась. За ней стояла тетя Даша, сухонькая, постаревшая, сторбившаяся. Но глаза из-под седых бровей все так же лучились добротой и интересом к жизни. Алик поцеловал ее. Она всхлипнула.

– Не дождалась тебя мамочка... Да ты, милоч, раздевайся. Обувку ставь под скамеечку, не забыл, небось. А вот твои тапки старые, мамочка все берегла... Теперь беги в ванную, душ прими после дороги. Там чистенькое полотенце я на стиральную машину положила. Пельмени уже накрутила. Ты мойся, а я их в кипяток бросать буду...

В комнатках тети Даши было, как всегда, чисто, ни пылинки. Будто ничего и не изменилось за девять лет: на стене, над кроватью, висит все тот же порыжелый коврик с лебедями, на тумбочке – знакомый Алику со школьных лет телевизор с крохотным черно-белым экраном. В углу – божница с иконками.

На столе испускает вкусный пар миска с горячими пельменями, стоит баночка со сметаной, тарелка с селедкой и отварной картошкой. Две початые поллитровые бутылки: в одной – водка, в другой – розоватая настойка с ягодами клюквы на дне.

– Давно мечтал твоих пельменей отведать, тетя Дашенька. Сбылась мечта, – раскрасневшийся после душа Алик налил себе в рюмку водки, а тете Даше плеснул клюквенной настойки на доньшко – для приличия, он знал, она не пьет. – Ну, со свиданьем!

После выпитой водки во рту появился уже забытый Аликом сивушный привкус – типичный «сучок». А пельмени были вкусные. Тетя Даша не держала в секрете способ их приготовления. По ее рецепту иногда делала пельмени мама. Но у тети Даши все равно получались вкуснее.

– Как живешь, тетя Дашенька? Я читал, у пенсионеров жизнь теперь тяжелая. Концы с концами сводишь?

Тетя Даша помолчала, потом ответила:

– Пенсионерам нынче трудно. Иной старичок или старушка на хлебе и картошке перебиваются, а уж что-нибудь повкуснее попробовать или там одежду, обувь купить и не думают, старое донашивают. У меня другое дело, мне повезло – дочки достались хорошие. У старшенькой с мужем дача своя – летом все выходные там вкалывают, зато зимой кормятся. И мне подбрасывают. Видишь, отварная картошечка какая рассыпчатая – в подполе у них до весны хранится, будто только из земли выкопали... А младшенькая моя – она на бирже этой работает. Все деньгами подсобляет – на, мамочка, на, мамочка. Хорошие детки мне достались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.